

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

ПЕТЕРБУРГ

Дмитрий Силлов

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Петербург

«Издательство АСТ»

2014

Силлов Д. О.

Кремль 2222. Петербург / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2014 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-087852-9

Петербург... Город, сожженный Последней войной человечества, на руинах которого по-прежнему идет смертельная битва. Выжившие люди и жуткие мутанты, чьи предки некогда тоже были людьми, ожесточенно бьются друг с другом за место под солнцем. И вот в это нелегкое время судьба совершенно случайно забрасывает на окраину сожженного города человека из другого мира. Снайпера. Который, опять же по воле случая, спасает от гибели девушку – необычайно красивую, загадочную, манящую... Способную тронуть даже сердце воина, закаленного во многих битвах. И, возможно, способную помочь вспомнить о том, что Снайпер давно забыл по воле ученых, сделавших из него в своих лабораториях совершенную машину убийства. Все это прекрасно, но кто бы теперь спас самого Снайпера – и от ужасов этого мира... и от себя самого?

ISBN 978-5-17-087852-9

© Силлов Д. О., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Дмитрий Силлов

Кремль 2222. Петербург

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Д.О. Силлов

© ООО «Издательство АСТ», 2014

* * *

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанры» издательства «АСТ» и Вячеслава Бакулина, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанры» издательства «АСТ», за поддержку и продвижение проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне, за ценные советы в процессе работы над данным романом;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru; www.kreml2222.com; www.real-street-fighting.ru; Алексея Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»; Сергея «Ион» Калининца, корреспондента литературного портала www.litstalker.ru, и Виталия Градова, администратора литературного портала www.stalker-book.com, за помощь в интернет-продвижении проектов «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ», «СТАЛКЕР», «КРЕМЛЬ 2222» и «РОЗА МИРОВ»,

а также Алексея Лагутенкова, сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

* * *

Что чувствует человек, проходящий невидимую границу между мирами?

Да, наверное, то же самое, что чувствовала бы экспансивная пуля, пробивающая чужое тело, – если б, конечно, она могла что-то ощущать.

А человек чувствует, что его плющит. Деформирует. Выворачивает наизнанку и рвет на части так, что остается лишь одно желание – поскорее сдохнуть, лишь бы закончилась эта попытка длиною в вечность... а может, и в одно бесконечно растянувшееся мгновение.

Но рано или поздно все проходит. Вот и мой мучительно-бесконечный шаг, наконец, завершился. Я ступил на землю другого мира... и тут же по колено провалился в какое-то полужидкое дерьмо.

Когда ты неожиданно попадаешь в него, самое лучшее, что ты можешь сделать, – это извернуться так, чтобы не плюхнуться лицом в вонючую жижу. Потому, что утонуть в дерьме это, пожалуй, самый грустный финал и без того не особо веселой жизни.

Ну, я и извернулся, перекутившись в воздухе, словно в аномалию-«мясорубку» угодил. В результате плюхнулся в полужидкую гадость не небритой мордой, а спиной – вернее, габаритным и тяжелым рюкзаком, который на прощанье подарил мне американский сталкер по имени Рэдрик Шухарт. Можно сказать, удачное начало нового дня. Если б не рефлекс, не только бы портретом в вонючую гадость макнулся, так меня б еще и сверху половиной центнера накрыло. А так ничего, комфортно так приземлился, с сытым чавканьем, которое обычно издает болото, принимая в себя беспечную добычу.

И, кстати, надо отметить, что запах я ощутил соответствующий. Отовсюду тянуло гнильем, затхлой ряской, преющим камышом и сладковато-трупной вонью разлагающегося мяса. Стало быть, повезло мне крупно. Допутешествовался между мирами, в болото угодил. Причем в такое, которое «держит». Забредет в трясину бестолковый лось, одуревший от осеннего гона, или медведь, соскучившийся по бруснике, – тут его и схватит болото. И утонуть не может зверюга, и с места сдвинуться никак. Так и умирает в мучениях, оглашая окрестности тоскливым ревом, постепенно переходящим в жалобный скулеж. Отсюда и характерный запах мертвечины над проклятым местом, привлекающий пожирателей падали, – которые, в свою очередь, становятся очередными жертвами безжалостной аномалии.

Впрочем, если действовать осторожно, есть шанс выбраться из «живого болота». Поэтому я очень осторожно протянул руку к замку на груди, собираясь расстегнуть его и потихоньку освободиться от лямок. Глядишь, удастся встать самому так, чтобы трясина не среагировала на резкое движение. Выбраться на кочку, а там и плавающий по поверхности рюкзак зацепить – хищное болото не интересуют несъедобные предметы. Порой и автоматы-пистолеты на его поверхности встречаются, лежат себе рядом с полуразложившимся трупом неосторожного сталкера. Необъяснимое явление с точки зрения физики – хотя удивляться нечему, в Зоне этих необъяснимостей как грибов после радиоактивного дождя.

То, что это Зона, я сразу понял. Чуйка у опытных сталкеров на Зоны реагирует, как счетчик Гейгера на радиацию. В мозгу словно что-то щелкает, и ты сразу понимаешь, что оказался в аду. То есть, дома. Потому, что этот ад для нас как наркотик для торчка, крепко подсевшего на адреналиновую иглу. Понимаешь, что гадость страшная, разрушающая тело и душу, изменяющая тебя, как ей заблагорассудится, – а все равно никуда ты без нее. Как и она – без тебя.

Но это всё философия для посиделок у камина на Большой земле, а сейчас мне бы только аккуратно замок расстегнуть, дальше уже легче будет...

Но – не получилось.

Внезапно рюкзак будто схватило что-то и резко дернуло вниз, соответственно потащив и меня следом. Да с такой силой потянуло, что вонючая, холодная жижа немедленно плеснула мне в уши, едва не залив рот и нос.

– Вот ссука! – выдохнул я, рванувшись вверх изо всех сил. Теперь не до осторожностей и не до выяснений, кто или что на меня напало. Теперь это только моё дело и моего врага, а аномалия пусть подождет. В любом случае ей ее приз достанется – или моя тушка, иссеченная шрамами, словно мишень для метания ножей, или тело той подлой болотной твари, любящей вкусно пожрать, минимально при этом напрягаясь.

То, что это живое существо, а не какой-нибудь хищный корень, я понял сразу. Даже самые шустрые дендромутанты обычно медлительно-тормознуты – дерево оно и есть дерево, даже хищное. Здесь же чувствовалась мертвая хватка сильной и тяжелой твари, рывками пытающейся утянуть на дно габаритную добычу. И все козыри были у нее – дергайся, не дергайся, а еще пара таких рывков – и я просто тупо утону в болоте. Поэтому, как ни жаль мне было содержимого моего рюкзака, но я решил, что жизнь-то по-любому дороже.

Выдернув из ножен свою «Бритву», я быстро подсунул клинок под левую лямку рюкзака и резанул от себя. Нож у меня отменный, широкий брезентовый ремень располовинил в легкую. Плёвое дело для лезвия, способного рассекать пространство между мирами.

А вот правую лямку резануть я не успел. Невидимая тварь снизу дернула снова, и я окунулся полностью в болотную жижу.

Вот чего я не люблю, так это когда меня по уши макают во всякие неприятно пахнущие субстанции – и в прямом, и в переносном смысле. В прямом так вообще ненавижу. И хоть мог я уже, в общем-то, выпутаться из лямки и всплыть навстречу тусклому солнцу, но не сделал этого по двум причинам. Во-первых, опасно оставлять за спиной противника, который только что собирался тебя убить. И, во-вторых, макающему меня да воздастся десятикратно. Я

вообще человек по жизни незлой и, если мне кто-то что-то хорошее сделает, очень постараюсь отплатить добром за добро. А вот ежели некий нехороший тип попытается мне напакостить, то можно считать, что он нажил себе большие неприятности. Порой даже фатальные.

В общем, вместо того, чтобы рвануться вверх, навстречу воздуху и возможному спасению, извернулся я на сто восемьдесят градусов и нырнул прям туда, куда пытался затащить меня невидимый враг. В черную, беспросветную глубину болота.

Конечно, «нырнул» – это громко сказано. В вязкой жиже особо не поныряешь, даже если очень захочешь. Но мне не рекорды по плаванию в болоте устанавливать надо было. Мне чисто справедливостью за зло отплатить требовалось, как завещал один очень умный китаец много тысяч лет назад. Короче, рванул я в глубину и вслепую ткнул ножом туда, где, по моим предположениям, должен был находиться подлый болотный житель. Причем ткнул несколько раз, потому как одиночный удар ножом редко бывает решающим. Хочешь убить – бей несколько раз, молоти, как игла швейной машинки, и тогда не ты сдохнешь, исходя кровью, а тот, кто только что попытался лишить тебя жизни.

В вязкой субстанции скорость ударов, конечно, падает изрядно, но пару раз я точно попал во что-то отвратительно мягкое и дряблое, как тело столетнего дампа, полуразложившегося от времени. Однако за этой дряблой оболочкой угадывались весьма упругие мышцы, в которые даже «Бритва» вошла с некоторым сопротивлением. А потом я чуть не выпустил нож из рук – с такой силой дернулась эта плоть, пронзенная фантастически острым клинком. Дернулась – и рванулась в глубину, увлекая за собой мой драгоценный рюкзак.

А у меня тем временем кончился воздух в легких и силы в мышцах. Переход между мирами и бой в вязкой среде истощают резервы организма с безумной скоростью. Ну, и без воздуха, само собой, особо не повоюешь, и уж тем более не погоняешься за монстром, для которого болото – дом родной. В общем, ничего мне не оставалось, как вынырнуть наверх, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Кстати, до берега было не особенно далеко, метра три от силы, где на крутом склоне притулилось кривое хищное дерево. Оно довольно активно отреагировало на возню в болоте, неторопливо, но упорно водя гибкими ветвями над болотом в надежде зацепить добычу. Так опытный рыбак терпеливо «водит» попавшую на крючок крупную щуку, ожидая, когда она устанет и ее можно будет без особых проблем подцепить сачком.

Ну, что ж, хотите – получите. Я, не выпуская нож из рук, в несколько мощных рывков подплыл к этим ветвям, протянул руку и схватился за одну из них, толстую и осклизлую, покрытую наростами-присосками. Опасное предприятие, но мне особенно выбирать не приходилось – вылезти на отвесный берег из болота по-другому вряд ли удастся. Сейчас оно пока не реагирует, не пытается удержать меня. Еще не дошло до него, что часть его экосистемы круто обломалась со мной, да еще в организме пару лишних дырок заимела. Но скоро дойдет, и тогда, скорее всего, навечно останусь я замурованным в мигом затвердевшей жиже, как вон тот дохлый лось, наполовину объеденный, наполовину сгнивший.

Дерево среагировало немедленно. Присоски тут же раскрылись, готовясь прилепиться к неразумной твари и начать неторопливо перекачивать горячую кровь в корявый древесный ствол. Похвальное желание, жрать надо всем. Но я оказался добычей бесчувственной и жестокой. Три удара ножом – и три ближайших присоски, хлопая краями вхолостую, полетели вниз, в болото. Я же нашел в себе силы подтянуться, захватить ветку ногами и, висая на ней таким вот обезьяньим манером, срубить еще пару присосок.

Неприятное это дело, когда тебя ножом по живому строгают, мне это хорошо известно. Даже если ты полный тормоз по жизни, не захочешь, а отреагируешь. Вот и дендромутант отреагировал: дернулся вполне ощутимо – и спрятал присоски. Все, разом, только темные пятна остались на их месте, да течет темный сок из нанесенных мною ран, так похожий на свежую кровь.

Соответственно, я ж не гад какой, чтобы продолжать резать по-живому – тем более, что дендроксищник сразу стал похож на эдакое несчастное, кривое, полусохшее дерево, лишенное листы и покорно ждущее закономерного финала в какой-нибудь крестьянской печке.

Ну, если меня не трогать, так я вообще сама доброта, олицетворение кротости и смирения. Поэтому «Бритва» отправилась в ножны, а я вполне благополучно взобрался на толстую ветку и прополз по ней до ствола, по которому без особых приключений, не считая крупной занозы в ладони, спустился на землю.

Занозу я легко вытащил зубами, высосал из ранки крупную каплю крови и с ожесточением сплюнул ее в жидкую траву, цветом напоминающую плоть двухдневного трупа. С ожесточением потому, что на том месте, где я воевал с неведомой болотной тварью, лишь лениво колыхались несколько грязных пузырьков. То есть, мой рюкзак с бронекостюмом, разобранным автоматом, вторым ножом, водой, едой и остальным снаряжением, столь необходимым в Зоне, навсегда остался в вонючей жиже. И теперь вместо более чем приличной снаряги я располагал комплектом неимоверно грязного американского камуфляжа, берцами с высоким верхом и надежной шнуровкой, благодаря которой они тоже не канули на дно болота вслед за рюкзаком, небольшой тактической аптечкой в нарукавном кармане, а также мультитулом в поясном чехле. И, конечно, моим боевым ножом, имеющим собственное имя «Бритва».

Если все это на бумаге написать, можно подумать, что не так уж плохи мои дела. Да, согласен, и хуже бывало. Но без воды, еды, хотя бы минимальной брони и огнестрельного оружия даже опытный сталкер чувствует себя неуютно. Тот, кто думает, что хороший нож это панацея от всех бед, глубоко заблуждается, ровно до появления в поле его зрения какого-нибудь агрессивно настроенного уродца с обрезом двустволки. Или даже, к примеру, ловкого дикаря с примитивным метательным копьем. Конечно, я так просто, за здорово живешь, свою тушку под новые шрамы не подставлю, но на диких территориях предпочитаю иметь при себе как минимум от двух единиц огнестрела, сухпай на пару-тройку дней и солидный запас питьевой воды.

– Тварь вонючая, – с душой сказал я своему невидимому врагу, похитившему драгоценную снарягу. Ответа не последовало, лишь влажно лопнул один из пузырьков на поверхности болота. Я же залепил ранку на ладони бактерицидным пластырем, повернулся и пошел себе куда глаза глядят. То есть, на разведку. Надо же понять, куда тебя занесло, прежде чем думать о том, что делать дальше.

Довольно быстро я понял, что нахожусь на обширном клочке суши, поросшем кривыми хищными деревьями, тощими и медлительными от вынужденной диеты: все самое вкусное и питательное забирало себе болото...

А может, и не только оно.

В сгущающихся вечерних сумерках я вдруг увидел меж ветвями слабый отблеск огня. Пришлось вновь вытащить «Бритву» из ножен и углубиться в редколесье, периодически отмахиваясь клинком от особенно назойливых хищных ветвей.

Скоро я смог расслышать и голоса – вернее, нервное, прерывистое гудение, которое обычно порождает небольшая толпа, возбужденная чем-либо. Пришлось перейти на более мягкий шаг, тщательно выбирая место, куда можно было бы поставить ногу. Всегда наиболее правильный и безопасный способ знакомства с аборигенами – это рассмотреть их как следует, прежде чем бросаться к ним с распростертыми объятиями. Чужаков нигде не любят, и перед тем, как знакомиться с кем-либо, полезно заранее прикинуть сильные и слабые стороны возможных друзей. В противном случае вполне вероятно, что тебя просчитают раньше, автоматически запишут во враги, и пикнуть не успеешь, как в твоём горле будет торчать то самое пресловутое метательное копье.

В общем, прокрался я вперед насколько было возможно и осторожно выглянул из-за дерева, очень надеясь, что подсохшая грязь на лице сойдет за маскировочную краску...

Это была поляна, лишенная травы и утоптанная до состояния теннисного корта, над которой плавали клочья сырого тумана. Причем, довольно плотные. Настолько, что на фоне особо плотного фрагмента тумана я заметил нечто вроде миража – то ли длинный сверкающий меч, направленный в небо, то ли шпиль здания, подсвеченный золотисто-красным солнцем...

Но причудливое явление природы меня не особо заинтересовало, так как прямо передо мной разворачивалось гораздо более занимательное действие...

На поляне толпились десятка три существ жутковатого вида, увлеченно размахивая факелами и довольно примитивным оружием. Рожи омерзительные, глаза рыбы, челюсти тяжелые, с выдающимися вперед длинными и частыми зубами. На длинных конечностях – мощные когти, правда, у многих обломанные. На спинах – гребни, похожие на огромные жабры. Ну да, если крупную добычу на дно тянуть, развитые жабры подспорье хорошее... Тела у уродов были зеленоватые, с гипертрофированной мускулатурой, на вид гладкие и скользкие – наверное, только с такой вот жирной кожей и можно плавать в густой болотной жиже. Из одежды лишь нечто, напоминающее набедренные повязки, безыскусно сплетенные из травы, и у отдельных экземпляров какие-то драные лохмотья, напаянные как попало. По всей вероятности, это был символ крутости, а не одежда, в которой жители болотистой местности вряд ли испытывали необходимость.

А вот древняя тяга к жратве и зрелищам была им явно не чужда. У многих тварей на поясных веревках болтались целые гирлянды костей с обрывками гнилой плоти – как оказалось, что-то вроде нашего сухпая. Время от времени какой-нибудь зеленый индивид нервно срывал с пояса неаппетитный кусок и вцеплялся в него зубами, на что соседи реагировали довольно бурно, пихая оголодавшего локтями в ребра – не отвлекайся, мол, проглот, смотри, самое интересное пропустишь.

Действительно – то, что происходило в центре поляны, было достойно внимания. Там когда-то росло толстое дерево с относительно прямым стволом. Теперь оно было мертвым, почти полностью черным от копоти. Почему – понятно. Трое зеленых как раз в этот момент были заняты делом – привязывали кого-то к обгорелому стволу, на всю поляну пыхтя от усердия. Кого именно, за широкими спинами не видно, а вот зачем – догадаться не сложно. Еще несколько человекоподобных мутантов стаскивали к дереву сухие ветки, пласты серого мха, куски корявой коры, какие-то тряпки. Поймали оленя и решили поджарить? Хорошо, если бы так. Пусть кушают. Когда плотоядные жуют, слух у них притупляется, а я тем временем потихому свалю в другую сторону. Я ни в коем случае не расист, но как-то предпочитаю общаться по душам с млекопитающими, больше похожими на обычных людей.

Но не суждено было моим чаяниям сбыться. Над поляной раздался резкий окрик, и зеленые разом застыли на месте, а после прыгнули в стороны, торопливо слившись с толпой.

А следом за ними застыл я...

Веревками, небрежно сплетенными из кожаных полосок, к дереву была привязана молодая девушка. Даже за слоем болотной грязи, покрывавшим ее тело, спутанные светлые волосы и драную одежду, можно было рассмотреть, насколько прекрасно ее лицо и тело. Настолько идеальной фигуры и правильных черт я не видел никогда, даже на картинах, даже в кино. Высокая грудь, тяжелые бедра, тонкая талия... Я нормальный мужик и потому вполне объяснимо подвис, увидев такое... Правда, быстро вышел из ступора, ибо рядом с нереально красивой пленницей стояло нечто прямо противоположное.

Это был мутант, ростом и габаритами превосходящий даже своих гипертрофированно мускулистых собратьев. И уродливостью хари – тоже. Причем не врожденной, а скорее всего, созданной искусственно. Потому как не могу я себе представить ранения, в результате которого можно лишиться обеих губ. У мутанта они были отрезаны нарочито неаккуратно, полностью обнажая кошмарные зубищи, слегка загнутые вовнутрь. Такими зубами удобно рвать добычу и не жуя заглатывать кровоточащие куски мяса. Жуть жуткая, страшная в своем первобытном

стремлении любыми способами нагнать страху на врага... во вторую очередь. В первую – на электорат, взирающий на вождя с вполне ожидаемой смиренной почтительностью.

Впрочем, назвать главаря мутантов тупым чудищем язык как-то не поворачивался. Хотя бы потому, что на его шее болтался вполне себе целый и исправный с виду автомат Калашникова, тот самый горячо уважаемый мною АКМ под патрон калибра 7,62 с деревянным прикладом, по череподробительным качествам не уступающим знаменитой винтовке Мосина. Правда, на фига козе баян, то есть, мутанту автомат, оставалось под вопросом. Потому как люди, хоть немного ценящие данное оружие, так его носить никогда не будут. Скорее, подобным образом дикари таскают на себе большие и неудобные украшения, подчеркивающие их статус. А вот длинный ржавый тесак в правой лапе вожак держал уверенно и увлеченно им размахивал перед носом пленницы, толкая при этом малопонятную речь. Хотя, надо признать, голосовые связки мутанта были приспособлены для этого, и даже, прислушавшись, я разобрал нечто членораздельное.

– Харррлюды злоррр... Злоррр нада урррабить... Сжечхаррнарррх...

Угу. Похоже, если я верно перевел, зеленый собрался девчонку «сжечь нах», или что-то в этом роде. И, судя по одобрителю гулу электората, собравшиеся были единогласно «за», даже вон услужливо факелы приготовили. Что будет дальше, предугадать несложно. Дальше будет отмашка предводителя зеленой шайки и очередное жертвоприношение, которых, судя по степени обгорелости дерева, на этой поляне совершено уже немало...

Я медленно стравил воздух сквозь зубы. Нет, ну что у меня за судьба такая, а? Нет бы чтоб как у людей, один день был похожим на другой, скучный, однообразно-безопасный, с надоедливым будильником в начале и вечерним телевизором в финале... Так, ладно, хорош самовыносом мозга заниматься. Признайся уж сам себе, что в первую неделю такой размеренной жизни ты очень хорошо отдохнешь, а на вторую застрелишься на фиг от скуки и безысходности. Ибо не твое это, жизнь как у людей, не под это твои душа и тело заточены. Вот оно перед тобой, то, ради чего ты землю топчешь, и хрен ты куда от этого денешься. Потому и вертится сейчас у тебя в голове, как заезженная пластинка, одна и та же фраза: «Чтобы развязать твердый узел, отдели сначала главаря, а потом все само распустится»¹, а в руке уже лежит обратным хватом «Бритва», слегка, совсем слегка налившаяся ирреальным синим светом. Кузнец говорил, что у новой «Бритвы» этого эффекта быть не должно, – ан нет, проявился. Видать, невозможно ни человеку, ни оружию пойти против своей природы.

Вожак зеленых был слишком увлечен своей речью и полностью уверен в собственной безопасности, поэтому, в свою очередь, тоже на мгновение подвис, когда я рванул к нему через поляну на спринтерской скорости. В буквальном смысле проскользнул между двумя поклонниками клыкастого оратора (ох, мать твою, до чего ж у них кожа жирная! Я не особо брезгливый, но чуть на бегу не блеванул), но... направление атаки пришлось изменить. Просто какой-то лысый вахлак от удивления разинул пасть и уронил факел прямо в кучу мусора, которым связанная пленница была завалена уже по колени.

Вся эта горячая дрянь занялась сразу. И где зеленые в болоте нашли столько сухого мусора? Похоже, заранее заготовили для такого случая и приперли на поляну для ритуального жертвоприношения и последующего пожирания горелого мяса. А ведь когда-то их предки людьми были... Хотя в нашем махровом и относительно недавнем средневековье служители культа за здорово живешь тоже жгли симпатичных девчонок, причем зачастую не по одной, а целыми пачками. Некоторые спецы в данном вопросе даже книги-инструкции писали о том, как этим надо заниматься профессионально. «Молот ведьм», точно, так называлась одна, до наших времен дошедшая. И чем, спрашивается, те люди отличались от этих вот болотных уродов? Разве что благообразными харями. Так, на мой взгляд, эдакая вот клыкастая морда чест-

¹ Древнекитайский военный трактат «36 стратагем», стратагема 18.

нее выглядит. По крайней мере, сразу видно, что урод, и потому достоин зверских трендюлей во имя торжества справедливости...

Да-да, есть у меня такой грешок гонять философские мысли во время зубодробительного экшена. Причем зубодробительного в буквальном смысле.

Тот самый вахлак, что факел уронил, выпал из ступора раньше других и попытался заступать мне дорогу. Это он, конечно, зря сделал. Я, не снижая скорости, просто сместился слегка влево, выставил правый локоть в сторону, на уровне подбородка, и, поравнявшись с клыкастым инквизитором, коротко крутанул корпусом против часовой стрелки.

Непосвященным людям кажется чудом, когда от незаметного движения огромный шкаф из плоти и костей шлепается на пятую точку, умываясь кровавыми соплями. Но нет здесь чуда, кроме элементарных законов физики и фантастического везения в лице грамотного тренера, умеющего применять те законы в рукопашном бою – а главное, донести свое искусство до учеников. Меня научили в свое время, что все ритуальные приседания, красивые одежды, философские притчи и т. д. к технике боя отношение имеют примерно такое же, как подарочная кастрюля в красивой упаковке к автомату Калашникова. Хочешь уметь бить – учись бить, и только. Коротко, сильно, незаметно для противника, в уязвимые точки, которые у всех человекообразных находятся в одних и тех же местах.

В общем, зеленый огрёб локтем в подбородок. Точнее, всей массой моего тела, разогнанной до существенной скорости, – локоть был лишь своеобразным наконечником копья, точкой приложения силы.

Челюсти болотного монстра громко клацнули, при этом я различил характерный хруст. Ну да, когда сильный удар приходится в центр подбородка, возможен перелом нижней челюсти в трех местах. А если еще при этом и крупные верхние зубы приложатся об нижние, то после срачивания перелома клиент становится настоящим подарком для стоматолога.

Короче, снесло болотного инквизитора с ног, словно тайфуном, что породило для меня нехилую боль в плече от отдачи, а для собравшихся – новую порцию шоковой терапии. Это всегда удивительно, когда один тип относительно скромных габаритов внаглую вдруг пойдёт на толпу, выписав первому попавшемуся амбалу эффективную и эффектную звездулину. Вторым-то быть никому неохота. Вот и замирает толпа как минимум на пару мгновений перед тем, как начать орать хором: «Ты чо, оборзел?!» и, осознав свое неоспоримое превосходство, попытаться задавить нахала массой.

Мне этих двух секунд вполне хватило, чтобы подскочить к девчонке, полоснуть «Бритвой» по ее путам, заорать дурным голосом: – Беги!!! – и получить мощный пинок под правую лопатку, от которого я не смог увернуться – уж больно быстро мелькнула когтистая лапа, хозяин которой решил использовать мою тушку на манер футбольного мяча.

Я только и успел, что выдохнуть, иначе быть бы моим ребрам сломанными, как пить дать. А так, похоже, обошлось, правда, на ногах устоять не получилось. Хорошо, что падать правильно научен, причем навык доведен до рефлекса. Рухнул на землю, кувырнулся, и снова на ногах в полуприседе. Молодец, блин, супергерой хренов. Не уследил, как главарь болотной банды подскочил сбоку и от души да с разгону выписал мне по телу незаурядный пинчище. Кстати, спасибо, что так. Мог бы и тесаком своим рубануть...

Хотя нет, не мог. Применить привычное холодное оружие главарю помешал ритуальный автомат, болтающийся на мускулистой шее вместо галстука. Размахнуться от души не дал, что монстра изрядно разозлило. Зарычал он, полоснул тесаком по брезентовому ремню, отбросил в сторону бесполезную и громоздкую побрякушку и прыгнул вперед, взревев при этом жутко:

– Ономойнахрр!!!

Вот, значит, как. Стало быть, если я правильно понял, обозначил электорату, чтоб не лезли, не отнимали у начальства славу победителя. Ладно, куча зеленого дерьма, я тебе покажу, как подло пинаться сзади.

Когда широченный замах виден за километр, бежать от него не надо – скорее всего, не успеешь и по затылку огребешь неслабо. В моем случае – фатально, ибо и тесак, и конечности жоака весьма длинные. Единственно верный ход в этом случае шагнуть вперед, под занесенную лапу, перехватить ее и свободной рукой отработать противника как сочтешь нужным. Если не вооружен, можно в горло ударить, по глазам или в пах, выбирай что больше нравится. Ну, а если в твоей руке зажат нож, способный разрезать что угодно, в том числе и пространство между мирами, то фантазируй как душе угодно.

Ну, я и не придумал ничего лучшего, как полоснуть «Бритвой» по мускулистой лапе, чувствуя, что еще доля секунды – и ни фига я не удержу скользкую и невероятно сильную конечность.

Эффект превзошел все ожидания. Лезвие легко прошло сквозь плоть, без какого-либо сопротивления рассекло лучевую и локтевую кости и вышло наружу... оставив в моей руке отсеченную лапу, в мгновение ока ставшую еще более осклизлой от темно-вишневой крови, хлынувшей из обоих обрубков.

Уж сколько времени шастаю я с этим ножом по разным мирам, а все равно не перестаю удивляться его свойствам. Правда, делаю я это обычно после боя. Во время серьезной драки изумление чревато, ибо можно остаться на поле боя навеки с застывшей маской удивления на холодеющем лице. Поэтому я просто отбросил в сторону отсеченную, судорожно сокращающуюся конечность, одновременно нанося второй длинный удар ножом по горлу противника, с подворотом кисти изнутри наружу. Иначе любой порез в бою бесполезен, в лучшем случае только кожу рассечешь да разозлишь врага. Мне же надо было минимум до трахеи достать, а еще лучше – до сонных артерий.

Достало и до того, и до другого, и даже до позвоночника. Зеленый дернулся, захрипел – и его голова в лучших японских традициях откинулась назад, повиснув на лоскуте кожи. Из широкой раны меж покатыми плеч плеснул вишневый фонтан, впрочем, очень быстро потерявший напор и превратившийся просто в кровь, текущую по груди трупа, каким-то чудом все еще стоящего на ногах.

А потом я услышал... выстрел.

И второй.

И третий...

Кто-то стрелял одиночными за моей спиной – и стрелял не в меня, за что ему большое и искреннее спасибо.

Я резко развернулся, на всякий случай уходя с возможной линии выстрела, – и увидел ту самую девчонку в рваном комбинезоне. Очевидно, что моему совету бежать отсюда со всех ног она не последовала. Вместо этого освобожденная пленница подобрала автомат и сейчас довольно профессионально палила в зеленых, приняв положение для стрельбы с колена.

То есть, спасибо нужно было говорить ей, причем не только за то, что она не в меня выпускала пулю за пулей. Осознав, что их жоака какой-то невзрачный тип разделяет, словно барана, электорат вышел из ступора, оскорбился до глубины души и ломанулся мстить гаду, то есть мне, мешая при этом друг другу.

Полагаю, я бы точно огреб дубиной по макушке, если б не девчонка. В двух шагах от меня мордой в грязи валялся крупный мутант с развороченным затылком. Такое выходное отверстие оставляет обычная автоматная пуля, пробившая каску, от удара кувырнувшаяся в мозговом веществе и вышедшая наружу. В данном случае каску заменила толстенная лобная кость болотного жителя, которая, впрочем, не спасла мутанта от выноса мозга.

Рядом с трупом теперь уже безмозглого почитателя главаря валялся еще один, грустно глядя в небо единственным глазом. Вместо второго в глазнице имелась небольшая белесогнойная клякса: автоматная пуля с близкого расстояния шьет очень аккуратно, это тебе не экспансивная пуля двенадцатого калибра, для которой снести треть башки – левое дело.

Между тем девчонка продолжала хладнокровно стрелять одиночными, явно экономя боеприпас и охлаждая раскаленным свинцом слишком горячие головы. Однако мутов смерть товарищей не особо впечатлила. Они перли вперед, и лишь трупы под ногами да вопящие от ярости кореша мешали им разорвать нас на кусочки.

А мы с девчонкой как-то сразу поняли друг друга без слов. Я сделал шаг вперед, рубанув «Бритвой» снизу вверх по особенно наглой харе, присел, уклонившись от когтей, просвистевших над моей головой, и резанул по брюху твари. Удар «восклицательный знак» эффективная штука. Втыкаешь хорошо заточенный нож в намеченную точку и протаскиваешь его сквозь плоть противника, располовинивая внутренние органы. В данном случае удар пришелся в брюхо, и мут растерянно охнул двумя половинками пасти, не зная, за что хвататься – то ли за разваливающуюся морду, то ли за кишки, толстыми червями посыпавшиеся из брюшины.

Пока я разбирался с мутом, девчонка успела подстрелить еще двоих, тянувших лапы к моей драгоценной физиономии.

– Неплохо, – рыкнул я, вспарывая грудную клетку следующего урода. Тут все оказалось проще: разрезанное надвое сердце останавливается сразу. Главное успеть отпрянуть в сторону, чтобы не быть придавленным габаритным телом, падающим на тебя.

Со стороны, наверное, это могло выглядеть сюжетом для дешевого боевика. Грязный мужик мечется меж здоровенных мутантов, а те ничего с ним сделать не могут и дохнут один за другим. На самом деле, любой низкобюджетный фильм про драки можно сделать кассовым, если пригласить в него реального сталкера, имеющего опыт так называемого траншейного боя, то есть махалова в ограниченном пространстве. Здесь все решает не сила и не габариты противника, а – не поверите – геометрия. Враг бежит на тебя по прямой, называемой линией атаки. Пусть бежит, не надо прыгать на него с криком «Банзай!», ты ж не камикадзе, чтоб умереть со счетом жизнь за жизнь. Просто шагни в сторону, а лучше по диагонали к линии его атаки, мягко, без особого усилия сдвинь в сторону тянущиеся к тебе руки-лапы, ткни ножом, или даже кулаком, скажем, под мочку уха – и всё. Твоя точно рассчитанная геометрия победила чужое желание убить тебя, рассекла тупую атаку противника биссектрисой твоего искусства. Которое ни разу не киношное чудо, а просто знание элементарнейших принципов траншейного боя.

Кстати, есть еще один закон любой драки. Как только толпа осознает, что ее бьют больно и порой даже летально, рано или поздно наступает перелом в сознании. «Мы не смяли, не разорвали, не победили! Корёжат, режут, бьют – нас! Значит, ну его на фиг высокие материи и красивые слова, своя зеленая задница дороже». Это называется сломленный боевой дух, самое страшное, что может произойти с любой армией. Или с толпой, стихийным скоплением простейших элементов, подчиненных одной идее. Стихийно напали, все разом поняли, что не прокатило, – и внезапно распадается грозная толпа на отдельные элементы, спасающие свою, и только свою драгоценную шкуру.

Зеленые, обильно забрызганные кровью своих товарищей, разом приснули в стороны, и вот уже нет никого на поляне. Только я, девчонка с автоматом, и около дюжины трупов болотных жителей.

– Нормально, – сказал я, устало опустившись на толстый корень сгоревшего дерева. Все, что хотелось сейчас, это прислониться спиной к черному стволу и расслабиться хоть на пару минут. После скоротечного рукопашного боя на выживание это самое главное – две минуты покоя.

– Нормально, – повторил я, усилием воли расслабляя пальцы, сжимающие рукоять «Бритвы». – А ведь еще несколько секунд, и они бы нас сделали.

Девчонка смотрела на меня не отрываясь... и тут я понял, что глаза у нее не совсем обычные. В бою смотришь «рассеянным зрением», как завещал великий японский мастер меча Миямото Мусаси. Мелкие детали расплываются, зато видишь сразу всё, что происходит перед тобой, и можешь реагировать на действия нескольких противников. А вот после битвы порой

расслабишься, присмотришься к тому, с кем только что крошил супостатов, – и немного не по себе станет.

Как сейчас, например.

Девушка была нереально, фантастически красива, но глаза у нее были практически белыми с крохотной точкой зрачка посередине. Радужка, может, все же чуть темнее белка, но это сильно под вопросом. Но, тем не менее, этот феномен не заставлял брезгливо отворачиваться от лица, совершенного в остальном. Идеальная форма лица, плавный изгиб бровей, густые ресницы, тонкий нос и полные, яркие губы вкупе с длинной шеей и высокой грудью, волнующе вздымающейся под рваным комбинезоном, нивелировали недостаток пигментации радужки.

Да и недостаток ли?

Абсолютное совершенство подсознательно раздражает осознанием, что тебе самому далеко до идеала. Тут же завистливое подсознание спокойно. Мол, «никто не идеален», «все не без недостатков» и т. д., и т. п. Плюс либидо снизу сомневается, а не офигел ли ты, мужчина, по своим Зонам шастая? Глаза ему не нравятся, эстет хренов. Ты остальное-то видел? Если же не рассмотрел чего как следует своим «рассеянным зрением», так сфокусируй гляделки, осознай и проникнись тем, что тебе привалило незнамо за какие заслуги. И поневоле делаешь вывод, что и не изъян это, а изюминка, придающая девушке свой индивидуальный, неповторимый шарм.

Я кашлянул в кулак, немного смущенный собственными мыслями, и произнес, невольно отводя глаза от полуобнаженного бюста красавицы:

– Ну, так может, это... коль такие дела... познакомимся? Я...

«Вот чёрт! Не позывным же ей представляться... Ладно, пусть будет псевдоимя, полученное мной уже не помню в каком из миров, в которых мне доводилось шастать».

– Я – Снар. А тебя как зовут?

Девушка продолжала смотреть на меня, но теперь в ее взгляде сквозило непонимание.

– Снар, – повторил я, ткнув себя в грудь и внутренне сожалея, – похоже, нормально познакомиться не удастся. Это не шок после боя, это явно языковой барьер.

Девушка облегченно вздохнула и произнесла:

– Аня.

Голос у нее был под стать внешности – мелодичный, словно журчание весеннего ручья. Она сказала еще что-то – и, естественно, я ничего не понял. Хотя голос этот можно было слушать и без перевода. Бьюсь об заклад: будь она певицей в моем мире, вся эстрада планеты Земля нервно травила бы себя никотином, поскрипывая зубами от зависти.

– Извини, не понимаю, – развел я руками. – А жаль.

Мне действительно было жалко, что не удастся пообщаться с ней. Было весьма любопытно, что она забыла в этих болотах, где научилась так стрелять из автомата, откуда могло взяться в этой глуши оружие моего мира. И вообще, неплохо было бы выяснить, куда это занесло меня на этот раз. Похоже, моя «Бритва» имела какое-то своё, очень абстрактное мнение насчет того, в какой из миров Розы отправлять своего хозяина, когда тому в очередной раз приспичит свалить не пойми куда в поисках приключений.

«Ага, приключений у тебя было мало, – мысленно съехидничал я. – Не пора ли уже остепениться, найти себе такую вот сталкершу с навыками прикрытия моей драгоценной спины и варки хотя бы каши, ибо современные красивые девушки зачастую не знают, с какой стороны к сковороде ручка приделана. Только, конечно, хорошо было бы немного понимать, о чем она говорит, – хотя бы в первое время. Дальше-то все равно мужику не судьба понять, что от него на самом деле хочет его половина, как ни старайся. И от знания ее языка это никак не зависит...»

Между тем Аня догадалась, что я ни слова не втыкаю из того, что она там себе мурлыкает. Тряхнула головой решительно, проверила магазин АК на наличие патронов (ай, моло-

дец!), убедилась в их отсутствии (я-то на автомате считал выстрелы, так что для меня отсутствие боеприпасов не было секретом. Но это уже следующий уровень, для девчонки прекрасно и то, что стрелять умеет и магазин после стрельбы проверяет). После чего еще раз посмотрела на меня и кивнула – пошли, мол, чего расселся.

Вот, значит, как. У нее на меня есть планы. Это радует, так как у меня с планами было не очень. До этого «Бритва» выкидывала меня в места, где я хоть как-то мог ориентироваться. Тут же – без вариантов. Может, в этом мире лес да болота тянутся на сотни километров, и пока найдешь местных сапиенсов, сам одичаешь. Примут за лешего, да и завалят за здорово живешь в рамках борьбы с нечистой силой. Так что хочешь, не хочешь, а предложение красотки обжалованию не подлежало.

– Ладно, дамы вперед, – проворчал я, слегка уязвленный тем, что эта кавалерист-девица эдак свысока кидает жесты своему спасителю. Хотя это, конечно, во мне сейчас самолюбие слегка взбрыкнуло. По большому счету, спасти себя она меня не просила и, кабы не начала стрелять, мой акт справедливого возмездия зеленым душегубам мог закончиться для меня весьма плачевно.

В общем, пошел я за ней, стараясь ступать след в след, – когда кто-то знает дорогу, а ты в местных дебрях дурак-дураком, то не выпендривайся, а иди за тем, кто владеет информацией, для тебя недоступной. Это и в жизни так: если кто в своем деле профи, не старайся казаться умнее там, где он собаку съел. Будет выглядеть глупо, смешно и нелепо. Потому и шел я за ней, осознавая, что уж сзади она – точно совершенство, до которого силиконовым модницам моего мира как отсюда до Пекина в позе угнетенного египтянина.

Похоже, места эти Аня знала не особо, так как часто останавливалась, принималась, словно волчица, раздувая ноздри, после чего возобновляла путь. Ну и ладно, как говорится, мастеру виднее. Я лишь для себя отметил, определяясь по мхам и лишайникам, что идем мы на запад и, судя по влажности и запахам, понемногу приближаемся к большой воде – может, к нехилому озеру, а может, и к морю.

Но до большой воды мы не добрались. Внезапно лес расступился, и мы оказались на берегу небольшого круглого водоема. Берег был завален крупными валунами, гладкими, словно отполированными, а над водой курился пар, словно она была сильно нагретой.

Девушка повернулась ко мне, усмехнулась уголком рта и показала жестом – раздевайся, мол. После чего, нимало не смущаясь, сбросила с себя свои лохмотья и нырнула в воду. По поверхности водоема пошли грязно-бурые пятна. Неудивительно после кровавой бойни с зелеными. Это ж если я сейчас последую примеру красотки, природная ванна разом превратится в вонючую лужу...

Между тем Аня вынырнула на поверхность и помахала мне рукой – чего, мол, тормозишь? Или гигиена у вашего брата не в почете и окопные вши – ваши лучшие друзья?

– Слышь, сталкер, хорош отмазываться перед самим собой, – проворчал я, развязывая шнурки своих неубиваемых американских берцев. – Совсем одичал, бирюк зоновский. Его юная леди приглашает к совместному купанию, а он кочевряжится – мы, мол, не из таких...

При этом копошился где-то внутри меня червячок на тему, что женился-то ты почти по всем правилам, а вот развелся по-английски – ушел не попрощавшись, причем дважды. Но этого подлого беспозвоночного я задавил немедленно аргументом жестким, как каблук берца. То, что ты в себе похоронил, выкапывать не нужно. В лучшем случае это некромантия, в худшем – глумление над трупами. И то, и другое наказуемо, прежде всего жесткими моральными переживаниями, которые никакому нормальному мужику на фиг не упали – если тот мужик, конечно, нормальный, а не злостный мазохист со склонностью к суициду. В общем, задавил я того червяка, скинул грязную камуфлю, только что не стоящую колом от подсохшей грязи, – и полез в водоем.

Причем полез именно помыться, а не всякие там шуры-муры крутить. В условиях постапокалипсиса возможность смыть с себя пот, грязь и чужую кровь гораздо важнее мимолетной связи с первой встречной леди, пусть даже безумно красивой. Конечно, у нас, бродяг, шкура дубленая, добросовестно обработанная ветрами, дождями, ночным холодом и летним зноем. Тем не менее, вши и разнообразные кожные болезни на фоне отсутствия гигиены появляются моментом, и потому каждый уважающий себя сталкер не упустит возможности ополоснуться и постираться хоть в ледяном ручье, хоть в более-менее чистой луже. А все остальное – потом.

Впрочем, девчонка, заманив меня в озерцо, казалось, тут же потеряла ко мне интерес и принялась вдумчиво мыть голову в реально горячей воде. Интересно, кстати, с чего это она такой банной температуры? Ключи, что ли, горячие на дне? Хотя, какая разница. Главное, что она есть, а все остальное вторично.

Минут десять я с остервенением соскребал с себя последствия купания в болоте и бойни с его обитателями. И настолько увлекся, что аж вздрогнул, когда ощутил на своей спине прикосновение чего-то более горячего, чем вода в странном озерце. Горячего и мягкого, податливого, словно женская грудь коснулась меня сзади...

Боясь поверить наваждению, я повернулся – и увидел глаза. Светлые, словно потухшие звезды с притяжением, которому невозможно сопротивляться. Да я и не пытался. Показалось мне, что я слишком долго мотался между мирами в поисках незнамо чего и вдруг нашел. Не счастье, нет, а что-то другое. Глаза вот эти, глядящие на меня не мигая, словно в самую душу заглядывающие. Это совершенное тело, жесткое во время боя, словно клубок струн, а сейчас мягкое, податливое, пластилиновое, в котором так и хочется утонуть, раствориться в нем и забыть обо всем...

...Не знаю, долго ли продолжалось это наваждение на самом деле. Мне показалось, что примерно пару жизней прожил я за то время, восхитительных жизней, наполненных бешеным ритмом сердец, бьющихся в унисон...

А потом все кончилось. И оказалось, что лежу я на берегу странного водоема, тупо уставившись в серое небо Зоны, а девчонки и нет, будто наваждение это было, мираж над болотом...

Хотя нет, вон справа что-то плеснуло раз, потом второй.

Я с трудом поднял чугунную голову, тяжелую, словно с хорошего похмелья. Ага, вон она, Аня, в водоеме деловито стирает свой комбез и даже не глядит в мою сторону, будто и не было ничего. А, кстати, вообще – было что? Помню влажное касание, которое спиной ощутил, глазищи ее жутковато-прекрасные помню, а дальше все будто в тумане. Но хорошо было, это точно. Только вот после этого «хорошо» ощущение пустоты во всем теле и кирпича в башке вместо мозгов, тяжелого и угловатого.

Словно почувствовав мой взгляд, девушка подняла голову и усмехнулась едва заметно, уголками рта.

– Очнулся? – поинтересовалась она. – Хорошо. Потому что ночью болотные соберут своих и устроят большую охоту. Тогда нам не уйти. Пока светит солнце, они медленные, будто сонные. Зато ночью в этих местах им нет равных.

Я хотел было возмутиться, мол, ничего себе сони, еле отбились от этих медлительных тварей, еще б немного, и...

И тут меня осенило, что я понимаю ее певучую, мелодичную речь, причем так, будто вырос с этой девчонкой в одном дворе.

– Удивляешься, что теперь понимаешь меня? – вновь усмехнулась она. – На самом деле, учить язык просто. Нужно лишь слиться с его носительницей, чтобы ваши тела и души стали одним целым, – и тогда невозможное становится возможным.

– Надо признать... это самый приятный способ учить языки, – с трудом проговорил я. Головная боль не способствует беседам, к тому же голосовым связкам с непривычки прихо-

дилось трудновато. Произношение обычно оттачивается годами, а тут приходилось тренироваться на ходу – вся база-то в голове, которая, скорее всего, потому и разламывается от экстренного вкачивания в нее нехилого объема знаний.

Мысли с трудом ворочались под черепушкой, а девушка тем временем вдруг перестала возиться со своим комбезом, вылезла из воды, положила свои вещи на камень, присела рядом со мной на корточки и уставилась на меня не мигая. Странно, но сейчас ее взгляд не казался мне жутковатым – по привычке, что ли, после совместного купания и сеанса обучающей любви?

Между тем взгляд Аньи словно растворял боль, наполняя меня приятным теплом, – так, наверное, кайфовал бы пустой кувшин, если б мог чувствовать, как в него вливается парное молоко...

Но долго нежиться мне не дали.

– Еще десять минут, и пора выдвигаться, – сказала она, отворачиваясь и беря с камня свой комбез, от которого шел пар. Откуда-то в ее руках появилась нитка с иглой, которой она принялась ловко и быстро орудовать, зашивая разодранную одежду.

– Твои вещи уже постираны и зашиты, – добавила Аня, кивая на мою камуфлю, разложенную на соседнем камне. – Можешь одеваться.

«Приятный сюрприз, черт возьми», – слегка ошарашенно подумал я. Давненько за мной никто не ухаживал. Доля такая у сталкера, все сам, надеяться не на кого. А тут такой сервис...

– Благодарю, – произнес я, поднимаясь с травы. Все это, конечно, замечательно, прям идиллия, но голым валяться на земле все-таки удовольствия мало. Да и вопросы накопились, на которые хотелось бы получить ответы. Но один был главнее остальных, его я и задал, рассматривая свои отстиранные и мастерски зашитые шмотки.

– Кто ты?

Она пожала плечами, отчего ее обнаженная грудь соблазнительно колыхнулась.

– Живое существо, – просто произнесла Аня. – Почти такое же, как ты. А что глаза у моего народа бесцветные, так тому простое объяснение имеется. Под нашим городом есть сеть катакомб – где-то сообщающихся, где-то нет. Давным-давно, когда началась Последняя война, многие выжившие ушли в эти подземелья. Среди них были мои предки. Всё, что нужно для выживания, мы научились добывать, либо выращивать под землей. Вот только света у нас не было. За сотни лет наши глаза обесцветились, а чувства обострились. Мы отлично видим в темноте и ночью чувствуем себя намного увереннее, чем днем... А потом мы вышли наверх. Теперь некоторые здесь называют нас мутантами, но мы – люди. Просто люди, научившиеся выживать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.